

На правах рукописи

Бреславский Анатолий Сергеевич

**ТРАНСФОРМАЦИЯ ГОРОДСКОГО И ПРИГОРОДНОГО
РАССЕЛЕНИЯ В ЗАБАЙКАЛЬЕ И НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ
РОССИИ (КОНЕЦ 1980-Х – НАЧАЛО 2020-Х ГГ.)**

Специальность 5.6.1 – отечественная история

Автореферат диссертации на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Улан-Удэ – 2024

Работа выполнена в Федеральном государственном бюджетном учреждении науки Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук

- Научный консультант:** доктор исторических наук, профессор, академик РАН **Базаров Борис Ванданович**
- Официальные оппоненты:** **Побережников Игорь Васильевич**, доктор исторических наук, член-корреспондент РАН, Институт истории и археологии Уральского отделения РАН, директор
Дятлов Виктор Иннокентьевич, доктор исторических наук, профессор, Иркутский государственный университет, кафедра мировой истории и международных отношений, профессор
Байкалов Николай Сергеевич, доктор исторических наук, доцент, Бурятский государственный университет им. Д. Банзарова, институт истории и филологии, директор
- Ведущая организация:** Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения Российской академии наук

Защита диссертации состоится 6 февраля 2025 г. в 10.00 ч. на заседании диссертационного совета 24.1.083.01 при Федеральном государственном бюджетном учреждении науки Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук по адресу: 670047, Российская Федерация, Республика Бурятия, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6. С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке и на сайте (www.imbt.ru) Федерального государственного бюджетного учреждения науки Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук.

Автореферат разослан 8 ноября 2024 г.

Ученый секретарь
диссертационного
совета

Жамсуева Дарима Санжиевна

I. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования связана с необходимостью научного осмысления глубинной функциональной, демографической и структурной трансформации обширной сети городских поселений России после распада СССР. Временное, но весьма длительное снижение государственного внимания к процессам городского развития отчетливо проявило все слабости как административно-командной, так и либеральной модели в делах городского управления. Сотни городских населенных пунктов страны всех уровней, утратив значительную часть своего промышленного потенциала, поддержку градообразующих предприятий и курирующих их ведомств, государственное социальное обеспечение, ресурсы для инфраструктурных преобразований, пережили серьезные социально-экономические и демографические проблемы в поисках новых источников для существования и развития. На другом полюсе этих процессов оказались разрастающиеся (подчас вне планов) городские агломерации страны и менее крупные, но привлекательные для внутренних и внешних мигрантов региональные центры, в которых исследователи фиксируют как продолжающуюся урбанизацию, так и разворачивающуюся субурбанизацию, связанную с движением населения, капитала из центральных городских микрорайонов в пригородные.

Сказанное выше применимо и для обширного региона Забайкалья и Дальнего Востока России. Промышленное освоение этой территории, усилившееся с 1930-х гг., позволило создать здесь к концу советского периода разветвленную сеть городских населенных пунктов, в том числе многофункциональные центры регионов, сыгравшие важнейшую, но все еще слабо осмысленную роль в сохранении населения на востоке страны в 1990–2010-е гг. В то время как региональные центры, их пригороды, отдельные города и поселки городского типа (пгт) сохраняют потенциал для обновления и усиления своих общественных функций, значительная часть городских населенных пунктов Дальневосточного федерального округа России (ДФО), утратив перспективы промышленного развития и не имея достаточных ресурсов для

инженерного, социально-бытового благоустройства, продолжает терять население.

Обозначенная трансформация сети городских поселений России, ее забайкальских и дальневосточных территорий, ставшая следствием исторического перехода страны к новой модели модернизации, порождает целый спектр разнообразных общественно-политических проблем, усиливающих региональное неравенство в труде и доходах, в доступе к социальной, в том числе образовательной, медицинской инфраструктуре. Это усиливает и общественную нестабильность, представляющую собой вызов для нашего государства, которое стремится к выравниванию региональных диспропорций в развитии своих территорий.

В прикладном значении актуальность диссертационного исследования связана, прежде всего, с необходимостью обобщения и систематизации широкого круга данных о процессах развития городских населенных пунктов Забайкалья и Дальнего Востока России в 1990–2010-е гг., которые могут быть востребованы в управленческой практике, в разработке стратегических документов социально-экономического развития территорий (концепций, стратегий, мастер-планов и т. п.), макрорегиональной и региональных концепций расселения. Решение этой задачи позволит сформировать необходимые основы и для содержательной научной дискуссии о текущем развитии и перспективах городских территорий Забайкалья и Дальнего Востока.

Изучение исторических закономерностей городского и пригородного расселения в Забайкалье и на Дальнем Востоке России актуально и с точки зрения развития теоретических основ отечественных и зарубежных обществоведческих исследований: исторической теории модернизации, теории стадийной, дифференцированной урбанизации, концепций «советского», «постсоветского», «российского» города, международных дискуссий о «постсоциалистической пригородной революции», «народной», «периферийной» урбанизации, субурбанизации и т. д.

Актуальность исследования усиливается сохраняющейся фрагментарностью (предметной, хронологической, дисциплинарной, территориальной) в изучении урбанизационных процессов в Забайкалье и на Дальнем Востоке, в том числе в

историографическом плане. Институциональная слабость городских исследований, малое число научных школ по соответствующей тематике в местных академических институтах и университетах, все еще сравнительно небольшое количество ученых, занимающихся изучением урбанизационного процесса в регионе, – все это длительное время ограничивало и продолжает ограничивать наши возможности в освоении рассматриваемой в диссертации темы.

Степень научной изученности проблемы раскрыта в специальном параграфе первой главы диссертации, посвященном историографии анализируемой проблемы. Несмотря на хронологические рамки исследования, связанные с изучением позднесоветской и постсоветской истории городского и пригородного расселения в Забайкалье и на Дальнем Востоке, в историографическом анализе мы посчитали необходимым рассмотреть более широкий корпус научной литературы по вопросам формирования и развития сети и систем городских населенных пунктов (городов, пгт, городских агломераций) изучаемого макрорегиона в дореволюционный и советский периоды. Это позволило указать, в частности, на отсутствие комплексных исторических исследований урбанизации, городского и пригородного расселения в изучаемом макрорегионе не только в постсоветский, но и в более ранний – советский период. Несмотря на медленно растущее число работ, посвященных истории конкретных городов Забайкалья и Дальнего Востока, продолжающийся рост числа географических, социологических и иных изысканий по отдельным аспектам рассматриваемой проблемы, системное освещение исторической трансформации городского и пригородного расселения на территории Забайкалья и Дальнего Востока в конце 1980-х – начале 2020-х гг. не становилось предметом самостоятельного исследования российских и зарубежных ученых.

Исходя из этого, **целью диссертации** стал анализ трансформации городского и пригородного расселения в регионах Забайкалья и Дальнего Востока России в период исторического перехода страны от советской (социалистической) модели модернизации к постсоветской (капиталистической, неолиберальной).

Задачи исследования:

1. Определить основные тенденции в развитии историографии по рассматриваемой проблематике.
2. Обосновать теоретико-методологические основы исследования;
3. Охарактеризовать источниковую базу работы.
4. Выявить и проанализировать результаты городского расселения на территории Забайкалья и Дальнего Востока на завершающем этапе советской модернизации (конец 1980-х гг.).
5. Установить общие и особенные черты трансформации городского расселения макрорегиона в 1990–2010-е гг. на уровне городов и поселков городского типа в их региональном многообразии.
6. Дать характеристику трансформации агломерационного расселения на территории Забайкалья и Дальнего Востока в изучаемый период.
7. Проанализировать роль ближних пригородов региональных центров в процессах городского и агломерационного расселения.

Объектом диссертационного исследования выступила история городского и пригородного расселения на территории Забайкалья и Дальнего Востока России. Отметим, что под «городским расселением» мы понимаем исторически обусловленный процесс распределения и перераспределения городского населения по территории, а также результат этого процесса, выраженный в формировании и трансформации сетей и систем городских населенных пунктов. «Пригородное расселение» по той же логике мы рассматриваем как исторически обусловленный процесс распределения и перераспределения населения по территории пригородных населенных пунктов, а также результат этого процесса, выраженный в формировании и трансформации пригородных населенных пунктов, в том числе в рамках городских агломераций.

Предмет исследования – исторические закономерности трансформации городского и пригородного расселения в забайкальских и дальневосточных регионах России в конце 1980-х – начале 2020-х гг., связанные с переходом страны от советской модели модернизации к постсоветской.

Хронологические рамки исследования включают в себя период с конца 1980-х до начала 2020-х гг., позволяющий проанализировать процессы городского и пригородного расселения в изучаемых регионах в динамике трех десятилетий и четырех переписей населения (1989, 2002, 2010, 2020/2021 гг.). Нижняя граница исследования, связанная со Всесоюзной переписью населения 1989 г., позволяет выявить и охарактеризовать основные итоги городского и пригородного расселения в советском Забайкалье и на Дальнем Востоке, внутренние предпосылки перехода урбанизационных процессов в изучаемых регионах в кризисное состояние еще до начала острых общественных перемен 1990-х гг. Верхняя граница связана со Всероссийской переписью населения 2020 г. (фактически – осень 2021 г.), итоги которой, наряду с другими источниками, дают возможность выявить и охарактеризовать исторические закономерности, результаты структурной и количественной трансформации городского и пригородного расселения в изучаемом макрорегионе России в рамках нового этапа модернизации страны, включившего в себя десятилетие нараставшего общегосударственного кризиса (1990-е гг.) и его системное преодоление в 2000–2010-е гг.

Территориальные рамки диссертации включают регионы Забайкалья и Дальнего Востока России, в течение всего изучаемого периода рассматриваемые на государственном уровне (СССР, РФ) как единый объект стратегического планирования. В состав Забайкалья включены Республика Бурятия и Забайкальский край (образован в 2008 г. в результате объединения Читинской области и Агинского Бурятского автономного округа), в состав Дальнего Востока – Республика Саха (Якутия), Амурская область, Еврейская автономная область (выделилась из состава Хабаровского края в 1991–1993 гг.), Магаданская область, Камчатский край (образован в 2007 г. в результате объединения Камчатской области и Корякского автономного округа), Хабаровский, Приморский края, Сахалинская область, Чукотский автономный округ (выделился из состава Магаданской области в 1992 г.). При создании федеральных округов РФ в 2000 г. регионы Дальнего Востока были объединены в Дальневосточный федеральный округ, в 2018 г. к ним были добавлены два забайкальских региона. Таким образом, все 11

регионов с 2018 г. входят в состав ДФО РФ, формируя дальневосточный макрорегион – один из 12 макрорегионов России.

Источниковую базу исследования составили: 1) законодательные источники, представленные корпусом программных, проектировочных и директивных актов органов государственной и региональной власти, высших должностных лиц СССР и РФ, субъектов РФ, оформленных как нормативно-правовые акты (постановления, законы, указы и т. д.); 2) делопроизводственные материалы государственных (региональных) и местных учреждений власти в регионах Забайкалья и Дальнего Востока, связанные прежде всего с решениями по реорганизации населенных пунктов, оформлению городских агломераций в изучаемый период; 3) официальная статистика, главным образом статистика народонаселения, материалы регулярных обследований, переписей населения; социально-демографическая и социально-экономическая статистика, привлекаемая нами при анализе отдельных аспектов темы; 4) периодическая печать, представленная в первую очередь региональными общественно-политическими, информационными, информационно-аналитическими изданиями; 5) публицистика, преимущественно издания, выполненные при участии региональных экспертов – ученых; 6) геоинформационные ресурсы: опубликованные карты и электронные геосервисы с возможностью анализа исторических карт (GoogleEarthPro, Sas.Планета и т. п.); 7) источники личного происхождения (мемуары отдельных высших должностных лиц органов городского управления изучаемых регионов). Характеристика источниковой базы подробно дана в специальном параграфе первой главы диссертационного исследования.

Методология и методы исследования. Трансформацию городского и пригородного расселения в Забайкалье и на Дальнем Востоке в 1990–2010-е гг. мы рассматриваем как составную часть и этап более длительного процесса модернизации российского общества. Это предопределило использование в исследовании в качестве концептуальной базы исторической теории модернизации, в осмыслении которой применительно к советской и дореволюционной России заметную роль сыграли В. В. Алексеев, И. В. Побережников, А. С. Сенявский и другие ученые-историки.

Отметим, что отечественная теория соотносится с более ранней и обширной зарубежной научной литературой, посвященной модернизации и конвергенции обществ разных типов, в том числе и со сравнительно недавними исследованиями в посткоммунистических обществах. В диссертации применительно к постсоветской истории России мы предлагаем рассматривать модернизацию в широком плане как совокупность политических и социальных изменений, способствующих переходу российского общества от советской (социалистической) модели развития к постсоветской (капиталистической, неолиберальной). В рамках данного подхода мы ведем речь и о модернизации систем городского и пригородного расселения.

Работа опиралась на принципы историзма и объективности, системный подход к анализу изучаемых явлений и процессов, общенаучные (анализ, синтез и др.) и специальные методы исторического исследования (историко-генетический, историко-хронологический, историко-сравнительный, историко-типологический), а также статистический метод. Более развернутый обзор теоретико-методологических рамок исследования представлен в отдельном параграфе первой главы диссертации.

Научная новизна исследования связана с отсутствием в отечественной и зарубежной историографии комплексных исторических исследований, раскрывающих роль городского и пригородного расселения в модернизационных процессах на территории Забайкалья и Дальнего Востока России в конце 1980-х – начале 2020-х гг.

1. В работе выявлены основные историографические и теоретико-методологические проблемы (в контексте исторической науки) в осмыслении процессов городского и пригородного расселения в постсоветской России. Предлагается рассматривать обозначенные процессы в качестве составной части новой модели модернизации страны, получившей развитие в изучаемый период и нацеленной на переход от социалистических форм организации политической и социальной жизни, систем хозяйствования, принципов расселения к капиталистическим, неолиберальным (в их российской версии).

2. Дается критическая характеристика источниковой базы исторического исследования процессов городского и пригородного расселения в изучаемых регионах России, обосновывается необходимость комплексного использования различных видов источников для реализации в этой работе принципов объективности и верифицируемости.

3. Городское расселение на территории позднесоветского Забайкалья и Дальнего Востока, история его трансформации в постсоветский период проанализированы не только в динамике обобщенных показателей четырех последних переписей населения (1989, 2002, 2010, 2020/2021 гг.), но и в разрезе каждого из более чем 450 городских населенных пунктов (городов и пгт), расположенных или располагавшихся в изучаемых регионах. Это позволило сформировать более объемный, нежели прежде, взгляд на исследуемые исторические процессы с учетом их региональной и локальной специфики.

4. Исследованы хронология и исторические факторы административно-территориальных преобразований городов и пгт Забайкалья и Дальнего Востока в конце 1980-х – начале 2020-х гг., что создало необходимые основания для комплексной реконструкции процессов трансформации городского и пригородного расселения в изучаемых регионах. Показано, что, в отличие от городов, в структуре пгт Забайкалья и Дальнего Востока произошли значительные изменения, во многом определившие масштабы кризисных явлений в развитии урбанизационного процесса, в том числе статистической убыли городского населения в этом макрорегионе страны в постсоветский период.

5. Дана оценка административному подходу к формированию городских агломераций в регионах Забайкалья и Дальнего Востока, получившему развитие во второй половине 2010-х гг., выявлена его слабая связь с традиционными академическими критериями к делимитации городских агломераций. Определены итоги расселения населения в границах административно выделенных городских агломераций ДФО, обозначены четыре типа их развития в рассматриваемый период, исходя из тенденций в движении населения в соответствующем городе-ядре и его пригородной зоне.

6. Для уточнения границ и масштабов пригородного расселения внутри 11 административно выделенных «столичных» городских агломераций определены ближние пригороды региональных центров (внутри более обширных пригородных зон), проанализирована динамика численности их населения в изучаемый период. Выявлено, что на исходное разнообразие пригородов региональных центров значительное влияние оказало усложнение урбанизационного процесса в рассматриваемый период: проявление в его структуре помимо продолжающейся урбанизации также дезурбанизации и субурбанизации. Причем от региона к региону их значение существенно варьировалось.

Положения, выносимые на защиту:

1. Несмотря на внутренние противоречия советской урбанизации Забайкалья и Дальнего Востока, связанные с ее вторичным характером по отношению к индустриализации, решению военных и геополитических задач, с отставанием жилищного, социально-бытового строительства от промышленного, высокой зависимостью локальных экономик и систем расселения от государственной (ведомственной) поддержки, общие результаты урбанизационного процесса на востоке СССР конца 1980-х гг., выраженные в количестве городов (84) и пгт (372), их категориальной структуре, доле городского населения (73 %), темпах городского строительства и прироста городского населения, можно считать уникальными в контексте российской истории урбанизационного процесса.

2. Итоги городского и пригородного расселения по территории позднесоветского Забайкалья и Дальнего Востока в разрезе отдельных регионов оказались высоко дифференцированными, что было вполне естественным следствием исходного разнообразия территорий по природно-климатическим условиям, транспортной доступности, административно-политическому статусу, масштабам и характеру их заселения в дореволюционный и советский период. Конституирующую роль в формировании сети городов и пгт сохраняли промышленность и транспорт, в ряде случаев – военно-оборонительные функции поселений, а ключевой основой расселения вплоть до распада СССР оставалась модернистская концепция целеустремленного разрастания сети промышленных

узлов и городов в рамках расширяющейся географии народного хозяйства.

3. Постсоветская трансформация городского и пригородного расселения в регионах Забайкалья и Дальнего Востока России выступила составной частью и закономерным итогом модернизации российского общества в 1990–2010-е гг., в ходе которой трансформировались и общие принципы расселения: концепцию целеустремленного разрастания сети промышленных узлов и городов сменила политика рационализации и оптимизации систем расселения, опирающаяся на принципы неолиберального капитализма, акцентированной поддержки центров экономического роста.

4. Временное снижение государственного внимания к сфере управления городским и пригородным развитием в 1990-е гг. привело не только к тому, что процессы городского и пригородного расселения в этот период, а в отдельных регионах и в последующие два десятилетия, сохраняли в основном слабoreгулируемый характер, порождая, в частности, негативные издержки «сжатия» сформированного к концу 1980-х гг. экономического и социально-демографического потенциала сетей расселения, но также и к поляризации городского расселения.

5. Развитие урбанизационного процесса в Забайкалье и на Дальнем Востоке в изучаемых хронологических рамках мы рассматриваем в целом как период урбанизационного кризиса с элементами продолжающейся урбанизации и набирающей обороты субурбанизации (в отдельных регионах). Содержательно этот кризис проявился в утрате городами и пгт изучаемых регионов отдельных (а где-то и всех) градообразующих и градообслуживающих предприятий – их экономической базы, существенных перспектив экономического роста, а значит, важнейшей части внутренних ресурсов развития; в реорганизации значительного числа пгт и отдельных (пяти) городов в сельские населенные пункты, в юридической и фактической ликвидации некоторых пгт; в существенном (от 25 до 70 %) сокращении численности населения более чем в половине городов и большинстве пгт регионов, а также в общем уменьшении населения в 11 из 14 основных административно выделенных городских

агломерациях макрорегиона, в 71 из 82 городов, в 182 из 191 пгт, сохранивших свой статус к ВПН–2020; в замедлении и фактической приостановке процессов градообразования на этой обширной и все еще слабозаселенной территории. Урбанизационный кризис в регионе стал прямым следствием резкого и непродуманного перехода от советской (социалистической) модели модернизации региона к постсоветской (неолиберальной).

6. Наряду с урбанизационным кризисом, острота которого заметно пала в 2000-е гг., мы говорим и об «элементах» продолжающейся в отдельных регионах урбанизации и набирающей обороты субурбанизации, подчеркивая при этом в целом второстепенную роль этих явлений в развитии урбанизационного процесса на территории большей части Забайкалья и Дальнего Востока в 1990–2010-е гг., хотя от региона к региону их значение варьируется. Продолжающаяся урбанизация и субурбанизация (там, где они имели место) концентрировались в этот период главным образом вокруг региональных центров, выражая кризис менее крупных городских населенных пунктов (прежде всего малых городов, пгт).

7. Во второй половине 2010-х гг. в регионах Забайкалья и Дальнего Востока получил развитие административный подход к «формированию» городских агломераций (преимущественно вокруг региональных центров) без учета академических критериев к такого рода территориальным образованиям и в основном без каких-либо предварительных научных исследований. Эти процессы происходили на фоне выраженной тенденции к концентрации населения, инфраструктуры, инвестиций в границах городских агломераций макрорегиона, поляризации систем расселения.

8. Ближние пригороды региональных столиц Забайкалья и Дальнего Востока в рассматриваемый период в основном демонстрировали более положительную популяционную динамику, нежели пристоличные районы в целом, благодаря продолжавшимся внутрирегиональным центростремительным миграциям и набирающей обороты в части регионов субурбанизации. Исследование указало на необходимость учета в анализе процессов городского расселения движения населения в пригородных зонах, подавляющая часть которых в рассматриваемых регионах

составлена из сельских населенных пунктов, традиционно слабо учитываемых при анализе городского расселения.

9. Учет реалий городского расселения в Забайкалье и на Дальнем Востоке во всем его региональном и локальном многообразии может способствовать выравниванию существующих диспропорций в развитии отдельных групп поселений, а также более корректной постановке целей и задач государственной и региональной политики по закреплению населения в изучаемых регионах. Отсутствие обновленной концепции городского и пригородного расселения на территории Забайкалья и Дальнего Востока ведет к недооценке политики расселения в постоянно обновляющихся стратегиях пространственного (территориального), социально-экономического развития страны, отдельных ее субъектов, снижая эффективность государственной политики по их развитию.

Теоретическая значимость диссертации. Исследование вносит вклад в развитие отечественной исторической теории модернизации, уточняет возможности ее применения к постсоветскому периоду российской истории. Результаты работы расширяют научные представления об исторических закономерностях и региональных особенностях городского и пригородного расселения в постсоветской России, формируют повестку для исторических исследований этих процессов. В конечном счете работа позволяет внести необходимые уточнения в представления о стадийном характере урбанизационного процесса, его глобальном разнообразии, в дискуссии о «периферийной урбанизации», субурбанизации, «народной урбанизации», «постсоциалистической пригородной революции», способствует включению «российского поля» в актуальные международные дискуссии в сфере городских и пригородных исследований.

Практическая значимость диссертации состоит в том, что ее выводы могут быть использованы при разработке обновленной версии Генеральной схемы расселения РФ, Стратегии пространственного развития РФ, документов стратегического планирования в области социально-демографического и социально-экономического развития Забайкалья и Дальнего Востока, стратегий

социально-экономического развития отдельных субъектов ДФО РФ, мастер-планов городских округов, городов, пгт и т. п. Итоги исследования могут быть востребованы в учебном процессе по широкому спектру образовательных программ и дисциплин как исторического (история России, история урбанизации, историческая демография и др.), так и иного профиля (геоурбанистика, регионоведение и т. д.).

Апробация результатов диссертационного исследования включала в себя выступления автора на 18 международных (в России и за рубежом – в Германии, Китае, Монголии, Польше) и 23 всероссийских (во Владивостоке, в Биробиджане, Екатеринбурге, Иркутске, Калуге, Москве, Улан-Удэ, Уфе, Якутске) научных конференциях, симпозиумах, семинарах. По теме исследования автором опубликованы 53 научные работы, в том числе в изданиях, включенных в перечень ВАК по заявленной специальности – 18, в изданиях, рецензируемых в базах данных Scopus, Web of Science, – 10. Итоги исследования апробированы и внедрены автором в образовательный процесс в рамках учебных курсов «История урбанизации», «Субурбанизация и российские пригороды» в магистратуре «Концептуальная урбанистика» Центра урбанистики Тюменского государственного университета (2022–2024 гг.).

Структура диссертации включает в себя введение, три главы (восемь параграфов), заключение, список источников и литературы, перечень использованных сокращений, а также приложения (29 таблиц). Общий объем диссертации – 473 с.

II. ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении диссертации обоснована научная и общественно-политическая актуальность исследования, охарактеризована степень изученности проблемы, сформулированы цель и задачи работы, определены объект и предмет исследования, его хронологические и территориальные рамки, источниковая база, теоретико-методологические основы, раскрыта научная новизна, теоретическая и практическая значимость полученных результатов, определены выносимые на защиту основные положения диссертации, представлены сведения об апробации и структуре диссертации.

Глава 1 «Историография, методология и источниковая база исследования» включает в себя три параграфа.

В **параграфе 1.1 «Историография проблемы»** подробно раскрывается степень научной разработанности изучаемой проблематики. Охват Забайкалья и Дальнего Востока историческими исследованиями был и остается фрагментарным как в предметном, хронологическом, так и в территориальном плане, учитывая хотя бы тот факт, что историческая наука, сообщества профессиональных историков в изучаемых регионах развивались неравномерно как в советский период, так и позднее.

В последние десятилетия мы наблюдали постепенный рост числа исследований, посвященных истории отдельных городов (и заметно реже – пгт) изучаемых регионов, в то время как более широкие процессы продолжающейся урбанизации, набирающей обороты субурбанизации, трансформации городского и пригородного расселения в Забайкалье и на Дальнем Востоке остаются слабо осмысленными в исторической науке. При этом значимый вклад в освоение данной проблематики внесли и вносят представители других общественных наук, главным образом специалисты в области геоурбанистики, географии населения, экономики населения, социологии города, миграций.

Научная литература по проблемам городского и пригородного расселения в советский период разрабатывалась главным образом специалистами в рамках экономической географии, географии городов (трансформировавшейся в геоурбанистику), которым

удалось, сохраняя преемственность в развитии научных школ, создать широкий спектр подходов к изучению процессов расселения, в том числе городского, агломерационного (Н. Н. Барановский, Ж. А. Зайончковская, Л. Е. Иоффе, Г. М. Лаппо, И. М. Маергойз, Е. Н. Перцик, В. В. Покшишевский, Ю. Г. Саушкин, Д. Г. Ходжаев, Б. С. Хорев и др.). Эта работа была продолжена географами и в последующие годы (П. М. Полян, Т. Г. Нефедова, А. Г. Махрова, А. Э. Райсих, Е. В. Антонов и многие др.). При этом нельзя сказать, что историко-географический анализ сетей и систем городского и пригородного расселения Забайкалья и Дальнего Востока в работах отечественных географов был и остается всеобъемлющим.

Историческая наука в анализе общегосударственных процессов городского и пригородного расселения, урбанизации в целом к концу советского периода достигла куда меньших успехов, нежели география. Важнейший вклад в развитие исторической проблематики в городских исследованиях на этом уровне внесли отдельные ученые: Ю. Р. Клокман, Б. Н. Миронов, А. С. Сенявский и др. В начале 1990-х гг. Б. Н. Миронов указал на «некоторое отставание» историков в изучении города в предшествующие годы» (1990), а его коллега А. С. Сенявский уже более критично отметил, что отечественная история оказалась «на периферии исследований урбанизационного процесса XX века» (1995). До сих пор мы не располагаем сколько-нибудь значимым количеством исторических исследований, комплексно раскрывающих историю отечественной урбанизации с ее «взлетами» и «падениями», проблематику многообразного феномена российского города, пережившего ряд фундаментальных исторических трансформаций.

1990-е гг. с их бурными переменами в общественной жизни, городским кризисом, который был частью общегосударственного, подтолкнули многих обществоведов (А. Г. Вишневский, В. Л. Глазычев, М. Г. Меерович и проч.) к широкой критике советской модели модернизации, урбанизации и городского расселения, анализу присущих им внутренних противоречий (консервативный и незавершенный характер изменений, функциональная незрелость городов, наличие существенных различий в качестве жизни населения городов разных размеров и

проч). В целом же, как и прежде, мы наблюдали в основном лишь рост частных научных исследований, посвященных истории отдельных городов, городов одного региона, реже – макрорегионов. Показательно, что среди отечественных историков все еще крайне редки попытки комплексного анализа городского расселения даже в масштабах 2–5 регионов. Выделим здесь работы Л. Н. Мазур по истории урбанизации Урала, А. И. Тимошенко, посвященные новым городам Сибири, Н. С. Байкалова по истории притрассовых поселений Байкало-Амурской магистрали, В. А. Кышпанакоева по городскому населению Хакасии, О. Б. Дашинамжилова по городскому населению Западной Сибири, А. П. Обедкова по эволюции городского расселения на Российском Севере, И. Н. Стася по истории урбанизации Севера Западной Сибири, Е. Е. Тиниковой по истории урбанизации республик Саяно-Алтая.

Переходя к забайкальской и дальневосточной историографии городского и пригородного расселения, отметим, что ранней истории формирования сети русских городских поселений в исследуемых регионах в целом (помимо широкого корпуса работ по истории вхождения этих территорий в состав Российского государства) было посвящено лишь несколько крупных изданий, вышедших до и после распада СССР, среди которых можно выделить «описание русских городов Северо-Востока XVII – сер. XIX вв.», выполненное Ф. Г. Сафроновым (1978), «летопись сибирских городов» Д. Я. Резуна, Р. С. Васильевского (1989), знаковую монографию А. Р. Артемьева «Города и остроги Забайкалья и Приамурья во второй половине XVII–XVIII вв.» (1999), труды Н. П. Крадина о русских крепостях и поселениях на Дальнем Востоке, а также крупные работы по истории городов Забайкалья второй половины XVII – начала XX вв. С. В. Евдокимовой, В. П. Шахерова, Т. В. Паликовой. Последняя в 2010 г. отмечала, что в Забайкалье городоведение вообще и дореволюционной эпохи в частности не являлось активным научным направлением. То же можно было сказать и по отношению к регионам Дальнего Востока. Принципиально ситуация не изменилась и в последующие десятилетия. Вместе с тем, благодаря работе местных историков (Б. В. Базарова, М. Н. Балдано, А. С. Ващук, У. А. Винокуровой, С. А. Власова, Л. И. Галлямовой,

В. С. Гуревича, В. И. Дятлова, В. Г. Зеляк, И. Ф. Лаппаровой, А. С. Навасардова, П. П. Петрова, Т. З. Позняк, Г. А. Ткачевой, О. А. Убеевой, Е. Н. Федоровой и др.) к настоящему времени были успешно разработаны отдельные аспекты истории урбанизационного процесса в макрорегионе. В этой работе приняли деятельное участие и представители смежных обществоведческих дисциплин (Л. Е. Бляхер, В. В. Будко, К. В. Григоричев, Н. Ю. Замятина, В. К. Заусаев, Н. В. Мкртчян, М. И. Леденев, И. Д. Пензин, А. Н. Пилясов, А. С. Ревайкин, Л. Л. Рыбаковский и мн. др.).

Кроме того, стоит упомянуть о весьма многочисленных трудах по истории отдельных городов, подготовленных в Забайкалье и на Дальнем Востоке в советский период и позднее. Их авторами становились как академические исследователи, так и местные краеведы, имена которых мы позволим себе дать единым списком, учитывая научную и просветительскую значимость их совместной работы (А. И. Алексеев, А. М. Бачурин, В. П. Бельченко, В. И. Богданов, В. И. Борисов, И. С. Бренер, К. М. Браславец, Т. С. Бреславская, Ю. А. Вакуленко, И. В. Витер, В. Е. Волчков, В. П. Голубев, В. С. Гуревич, С. В. Дондуков, П. Л. Казарян, Л. В. Кальмина, А. Г. Козлов, А. В. Константинов, Н. Н. Константинова, А. И. Костанов, А. Т. Кузин, Б. В. Максименко, Л. К. Минерт, Н. С. Миронов, О. Э. Мишакова, С. В. Москвитин, П. Л. Натаев, В. В. Номогоева, И. А. Паленко, П. П. Петров, Е. Д. Петряев, А. П. Пирагис, А. М. Плеханова, В. С. Попов-Равич, И. Г. Рига, А. А. Смышляев, А. В. Тарасов, В. Ф. Тихонова, А. В. Тиваненко, А. И. Томилин, Е. Н. Федорова, Т. С. Филиппова, М. Г. Цыренова, А. И. Чащин, В. С. Шевцов, И. М. Шестак, Н. К. Шульман, Р. Н. Юзмухаметов, П. П. Явловский и мн. др.). Их исследования охватывают далеко не все интересующие нас города, пгт и фрагментарны в хронологическом, проблемно-тематическом плане, однако дают нам необходимые знания о региональных и локальных особенностях исторических процессов городского и пригородного расселения в изучаемом макрорегионе.

Учитывая высокую роль миграции в качестве фактора постсоветской трансформации городского и пригородного расселения, большую ценность для нас имели многочисленные

работы по ее изучению в рассматриваемых регионах, выполненные Ю. А. Авдеевым, А. Ю. Ардальяновой, Д. Д. Бадараевым, А. В. Винокуровой, О. Д. Воробьевой, В. И. Дятловым, В. Г. Жалсановой, О. П. Коломиец, С. Н. Мишук, Е. Л. Мотрич, С. Н. Найден, С. В. Рязанцевым, З. И. Сидоркиной, Е. О. Скрипник, В. Л., Ушаковой, М. Н. Храмовой, А. И. Яковлевым, В. В. Щегловым и др.

Важнейший вклад в развитие более широкой проблематики модернизации Дальнего Востока формирования городского населения, городских населенных пунктов, урбанизации Дальнего Востока, в осмысление позднесоветской и постсоветской истории макрорегиона внесли коллективные и индивидуальные работы сотрудников профильных подразделений Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (А. С. Ващук, С. А. Власова, А. П. Дервянко, Л. И. Галлямовой, Ю. Н. Ковалевской, С. Г. Коваленко, А. В. Маклюкова, Т. З. Позняк, А. Е. Савченко, Г. А. Ткачевой, Е. Н. Чернолуцкой и др.).

Учитывая, что в основе постсоветской трансформации городского и пригородного расселения в Забайкалье и на Дальнем Востоке лежали, помимо исторических, политико-экономические и географические факторы, мы обратили внимание и на экономические, а также географические исследования региона, наглядно продемонстрировавшие сохраняющуюся зависимость систем городского расселения, в частности, от структурных изменений в региональных экономиках, особенностей их пространственной организации. Речь идет о трудах академиков РАН П. А. Минакира, П. Я. Бакланова и их коллег в Институте экономических исследований ДВО РАН (Е. Л. Мотрич, С. Н. Найден, Е. О. Колбина (Скрипник) и др.), Тихоокеанском институте географии ДВО РАН (Ю. А. Авдеев, З. И. Сидоркина, А. А. Чурзина и др.), Северо-Восточном комплексном научно-исследовательском институте ДВО РАН им. Н. А. Шило (Н. В. Гальцева, О. С. Фавстрицкая, О. А. Шарыпова и др.).

Анализ имеющегося опыта в научном осмыслении процессов городского и пригородного расселения указал на отсутствие в этом предметном поле комплексных исторических исследований, в том числе сравнительно-исторического, историографического плана,

посвященных развитию обозначенных процессов в регионах Забайкалья и Дальнего Востока в целом не только в постсоветский, но и, например, в более ранний – советский период. То же характерно и для более широкой проблематики истории урбанизации рассматриваемых регионов, что открывает перед исследователями широкое пространство для научного поиска.

В параграфе 1.2 «Теоретико-методологические основы работы» определены концептуальные и дисциплинарные рамки диссертации, уточнены основные понятия, обозначены принципы и методы исследования. В диссертации мы предлагаем рассматривать процессы трансформации городского и пригородного расселения на территории Забайкалья и Дальнего Востока конца 1980-х – начала 2020-х гг. как часть более широких процессов модернизации российского общества в этот период, включая попытку обновления советского проекта модернизации (в рамках Перестройки) и радикальное его преобразование после распада СССР в ходе общественно-политических и экономических реформ. Это предопределило использование в исследовании в качестве концептуальной базы исторической теории модернизации, получившей развитие в России с 1990-х гг. (В. В. Алексеев, И. В. Побережников, А. С. Сенявский и др.) и широко используемой при анализе дореволюционной и советской истории страны. При этом, учитывая хронологические рамки исследования, мы сфокусировали основное внимание уже не на проблеме «модернизационного перехода», а на проблематике постмодернизационного периода, который пока не получил законченного теоретического обоснования в отечественной историографии. Применительно к постсоветской истории России мы предлагаем рассматривать модернизацию в широком плане как совокупность политических и социальных изменений, способствующих переходу российского общества от советской (социалистической) модели развития к постсоветской (капиталистической, неолиберальной – в ее российской версии). В рамках данного подхода мы ведем речь и о модернизации систем городского и пригородного расселения.

Полагая, что к концу 1980-х гг. «урбанизационный переход» (А. С. Сенявский) как определяющий компонент социалистической

модернизации в изучаемых нами регионах в основном состоялся (как минимум в социально-демографическом смысле), мы рассматриваем первые три постсоветских десятилетия в развитии урбанизационного процесса на этих территориях как период урбанизационного кризиса с элементами продолжающейся урбанизации и набирающей обороты субурбанизации (с учетом городов всех категорий, пгт, тенденций в развитии пригородных зон, городских агломераций). Развитие периферийной урбанизации и субурбанизации в исследуемых регионах (там, где они имели место) мы вслед за восточно-европейскими коллегами (К. Станилов, С. Херт, Л. Секира и проч.) рассматриваем как проявление «постсоциалистической пригородной революции», связанной с ростом частной застройки на периферии постсоциалистических городов в 1990–2010-е гг. (с ее региональными и общегосударственными особенностями).

В исследовании этих процессов мы опирались на принципы историзма и объективности, системный подход, общенаучные (анализ, синтез и др.) и специальные методы исторического исследования. Так, историко-генетический метод способствовал выявлению исторических предпосылок и причин трансформации городского и пригородного расселения в Забайкалье и на Дальнем Востоке в изучаемый период. Историко-хронологический – позволил рассмотреть городское и пригородное расселение в рамках более широкой исторической ретроспективы с выделением отдельных этапов в развитии этих процессов, был использован в построении и анализе хронологии административно-территориальных преобразований городских и пригородных населенных пунктов и т. д. В рамках проблемно-хронологического метода применялся синхронный и диахронный анализ, позволивший рассмотреть изменения отдельных элементов городского и пригородного расселения, происходившие в одно и то же время или в разные временные промежутки. Для реализации задач синхронного и диахронного анализа в рамках весьма разнообразного по региональному составу ДФО нами использовался историко-сравнительный метод, позволивший, с одной стороны, выявить как общие, так и частные тенденции в развитии изучаемых процессов, например, на юге и севере Дальнего Востока, в республиках и

«моноэтнических» регионах ДФО и т. д., а с другой – сопоставить их с потенциально аналогичными процессами в других регионах России (на основе все еще немногочисленных исследований коллег). Итоги этой работы (главным образом на изученных материалах Забайкалья и Дальнего Востока) были обобщены с использованием историко-типологического метода. Учитывая большое значение статистических данных в анализе городского и пригородного расселения, мы использовали статистический метод, позволивший дать количественную характеристику трансформации людности, структуры городских населенных пунктов изучаемых регионов и проч., что создало основу для дальнейшего выстраивания более сложных корреляционно-регрессионных связей между этими и другими многообразными параметрами социально-экономического развития территорий.

В параграфе 1.3 «Источниковая база исследования» обозначены использованные в работе исторические источники, проанализированы их информационные возможности и значение. Источниковую базу исследования составили: 1) законодательные источники, представленные корпусом программных, проектировочных и директивных актов органов государственной и региональной власти, высших должностных лиц СССР и РФ, субъектов РФ, оформленных как нормативно-правовые акты (постановления, законы, указы и т. д.); 2) делопроизводственные материалы государственных (региональных) и местных учреждений власти в регионах Забайкалья и Дальнего Востока, связанные прежде всего с решениями по реорганизации населенных пунктов, оформлению городских агломераций в изучаемый период; 3) официальная статистика, главным образом статистика народонаселения, материалы регулярных обследований, переписей населения; социально-демографическая и социально-экономическая статистика, привлекаемая нами при анализе отдельных аспектов темы; 4) периодическая печать, представленная в первую очередь региональными общественно-политическими, информационными, информационно-аналитическими изданиями; 5) публицистика, преимущественно издания, выполненные при участии региональных экспертов – ученых; 6) геоинформационные ресурсы: опубликованные карты и электронные геосервисы с возможностью

анализа исторических карт (GoogleEarthPro, Sas.Планета и т. п.); 7) источники личного происхождения (мемуары отдельных высших должностных лиц органов городского управления изучаемых регионов).

Часть источников была собрана в рамках полевых исследований. В частности, в рамках индивидуальной научной экспедиции 2023 г. нами был организован сбор недостающих архивных материалов, официальной статистики, периодики, источников личного происхождения и других данных в 10 из 11 изучаемых регионов Забайкалья и Дальнего Востока (кроме Республики Бурятия, исследования в которой проводятся нами с 2011 г.). 80-дневная (с 15 марта по 5 июня) экспедиция включала в себя работу в 10 региональных государственных архивах, отделениях Росстата, библиотеках, презентацию и уточнение отдельных предварительных выводов исследования в диалоге с представителями региональной власти, научного и образовательного сообщества.

Анализ источниковой базы по части полноты, достоверности, новизны данных по интересующей нас проблематике, содержащихся в том или ином виде источников, обозначил перед нами задачу их комплексного и критического использования, поскольку отдельные виды источников подчас не позволяли корректно решить поставленные задачи. В целом же избранная совокупность источников позволила разрешить эти противоречия, в том числе обеспечить верифицируемость представленных данных.

Глава 2 «Городское расселение в Забайкалье и на Дальнем Востоке в исторической динамике конца 1980-х – начала 2020-х гг.» включает в себя три параграфа.

В параграфе 2.1 «Городское расселение и его региональные структуры в конце 1980-х гг.» дана характеристика сети и структуры городских населенных пунктов (городов и пгт) Забайкалья и Дальнего Востока на завершающем этапе советской модернизации региона. Процессы городского расселения на этой территории в XX в. при всей их исторической масштабности шли с «опозданием» относительно территорий европейской части страны, но уже в меньшей степени относительно Западной и Восточной Сибири. Вплоть до конца 1980-х гг. важнейшую поддержку им оказывали государственная протекционистская политика, въездная

миграция, сохранявшийся в регионах в последние советские десятилетия естественный прирост населения. Одновременно в 1980-е гг., особенно в период Перестройки, стали широко осознаваться внутренние проблемы и противоречия экстенсивной советской урбанизации, ее вторичный характер по отношению к индустриализации, задачам развития народного хозяйства, что выражалось в недостаточных темпах жилищного, социально-бытового строительства в городах и пгт и проч. В числе естественных ограничений урбанизации региона были и сложные природно-климатические условия, и слабая экономическая база поселений, менее развитая, чем в Европейской России, транспортная инфраструктура, низкая плотность населения и людность вообще. Перспективы развития значительной части городских населенных пунктов напрямую зависели от их транспортной доступности, наличия рядом сырьевых ресурсов и т. п., а главное – от прямой (ведомственной) поддержки государства.

Всесоюзная перепись 1989 г. зафиксировала на изучаемой территории 80 населенных пунктов со статусом города и 367 пгт, в том числе 363 рабочих и 3 курортных поселка. С учетом закрытых поселений (двух городов и пяти пгт) реальное число населенных пунктов макрорегиона со статусом города в начале 1989 г. составляло 82, а пгт – 372. Общая численность городского населения (городов и пгт) Забайкалья и Дальнего Востока на начало 1989 г. составила 7,56 млн чел., или 73 % от всего населения макрорегиона (10,35 млн чел.). Обозначенная доля городского населения оказалась чуть меньше, чем по РСФСР в целом (73,5 %), однако в отдельных регионах Дальнего Востока этот показатель значительно превышал всероссийский (не только на севере – в Камчатской, Магаданской, Сахалинской областях, но и на юге – в Хабаровском и Приморском краях).

К концу 1980-х г. бурно разраставшаяся, особенно в послевоенный период, сеть городских населенных пунктов Забайкалья и Дальнего Востока приобрела основные очертания, в том числе по линии Байкало-Амурской магистрали, которая поддержала процессы градообразования во всех регионах, где была проложена. В отсутствие городов-миллионеров крупнейшими городами с населением более 500 тыс. чел. в конце 1980-х гг. стали

Владивосток и Хабаровск. Значительно отставали от них по численности населения четыре крупных города: Чита, Улан-Удэ, Комсомольск-на-Амуре, Петропавловск-Камчатский (фактически численность населения каждого не превышала 370 тыс. чел.). В число шести больших городов с населением от 100 до 250 тыс. чел. попали наряду с региональными центрами (Благовещенск, Якутск, Южно-Сахалинск, Магадан) еще и исключительно промышленные города Приморского края – Находка и Уссурийск. Среди 11 «средних городов» (50–100 тыс. чел.) только Биробиджан выполнял функции регионального центра, в то время как в остальных доминировала исключительно промышленная или промышленно-транспортная функция (Свободный, Белогорск, Нерюнгри, Арсеньев, Артем, Краснокаменск, Тында, Спасск-Дальний, Амурск, Холмск).

Наибольшее число городов (57) Забайкалья и Дальнего Востока на момент переписи 1989 г. относилось к малым городам с населением менее 50 тыс. чел. При этом в 17 из 57 малых городов к концу 1980-х гг. проживало менее 12 тыс. чел., что входило в формальное противоречие с действующим на тот момент критерием численности населения города. 10 из них располагалось на территории Сахалинской области – лидера по числу городов на советском Дальнем Востоке.

При этом в конце 1980-х гг. в 35 пгт Забайкалья и Дальнего Востока проживало более 12 тыс. чел. (в каждом). Наибольшее их число располагалось в Приморском и Хабаровском краях. 17 из них имели население от 15 до 22 тыс. чел. А еще два (Большой Камень и Дальнегорск) с населением 65 и 49 тыс. чел. фактически могли входить в группу средних и малых городов (приобрели статус города в 1989 г., но после ВПН–1989).

Отметим также, что в структуре пгт Забайкалья и Дальнего Востока в конце 1980-х гг. 43 поселка имели население от 9 до 12 тыс. чел., что создавало необходимые условия для концентрации в них разных видов производственной деятельности, торговли, транспорта и т. д. 47 поселков имели население от 6 до 9 тыс. чел., еще в 108 – проживало от 3 до 6 тыс. чел. При этом не соответствовали формальному критерию численности населения в 3 тыс. чел. целых 134 пгт, в том числе 27 пгт, население которых не

превышало 1 тыс. чел. В этом смысле малолюдные пгт заметно отличались числом и масштабом от малолюдных городов региона. В специфических условиях Севера и Дальнего Востока многие из них получали этот статус, не достигнув необходимой отметки в людности. Подразумевалось, что они имели на тот момент перспективу дальнейшего экономического и социального развития или что большая численность населения была бы излишней для функционирования локальных экономик.

При весьма значительном количестве пгт по отношению к числу городов (чем Забайкалье и особенно Дальний Восток отличались от западных регионов страны доля населения пгт в общем городском населении макрорегиона в начале 1989 г. составляла, по нашим расчетам, чуть менее трети (27,8 %), в то время как на собственно горожан приходилось 72,2 %. При большом количестве малых городов большая часть горожан все же была сконцентрирована именно в средних, больших, крупных и крупнейших городах макрорегиона (71 %, 4,3 млн чел.), в то время как в малых городах проживало 1/5 их часть (21 %, 1,15 млн чел.).

Итоги советской урбанизации Забайкалья и Дальнего Востока по отдельным регионам оказались достаточно дифференцированными, что было вполне естественным следствием исходного разнообразия территорий по природно-климатическим условиям, уровню и характеру их заселения в дореволюционный и советский период, транспортной доступности, административно-политическому статусу и т. д.

В параграфе 2.2 «Трансформация сети городов и динамика их населения в постсоветский период» проанализированы причины, основные итоги, общие и особенные черты трансформации городского расселения в регионах Забайкалья и Дальнего Востока в изучаемый период в разрезе городов, а также по городскому населению в целом.

Обозначенная трансформация рассматривается нами в качестве закономерного ответа общественных систем регионов на изменившиеся условия жизни, организации городских экономик, жизнеобеспечения населенных пунктов в ситуации перехода страны от одной модели модернизации (советской, социалистической) к другой (капиталистической, неолиберальной). Курс на

рационализацию систем городского расселения, радикальную перестройку государственной системы поддержки экономик регионов, городов, пгт, обозначившийся после распада СССР в условиях «цейтнота времени», нарастающего финансово-производственного кризиса, по существу предопределил произошедшие впоследствии изменения.

Резкий отказ от значительной части государственного заказа в условиях кризиса сложившихся ранее народнохозяйственных связей, переход от государственно-ведомственной организации экономики к приватизации, акционированию городских предприятий в расчете на их рыночную рентабельность, снижение и обесценивание прямых выплат со стороны государства в городские бюджеты и населению, сокращение контингента военных при уменьшении расходов на военно-промышленный комплекс – по этим и ряду других причин в изучаемых регионах к середине 1990-х гг. мы наблюдали ускоренный по историческим меркам спад не только экономического, но и социально-демографического потенциала городов, который на местах часто трактовался как «катастрофический».

Численность городского населения (городов и пгт) Забайкалья и Дальнего Востока в результате миграционной и естественной убыли, административно-территориальных преобразований с ВПН–1989 по ВПН–2020 сократилась с 7,56 до 5,86 млн чел. (-1,69 млн., 22,4 %). Основное убытие городского населения в изучаемых регионах произошло в 1990-е гг., как по отдельным регионам, так и по макрорегиону в целом, что заметно по темпам этого процесса, которые существенно снизились уже в самом начале 2000-х гг. на фоне стабилизации общественно-политической ситуации в стране, прямой финансовой поддержки населения и бюджетов местного и регионального уровня со стороны государства. В то же время общая убыль городского населения (городов и пгт) Забайкалья и Дальнего Востока, пусть и в меньших масштабах, но фиксировалась как в 2000-е, так и в 2010-е гг.

При том, что общее количество городов Забайкалья и Дальнего Востока в изучаемый период не изменилось (6 пгт приобрели статус города, 5 городов преобразованы в сельские населенные пункты, один – в пгт), численность проживающего в них населения

уменьшилась с 5,45 до 5,05 млн. чел. (-7,3 %). Произошло это главным образом уже к началу 2000-х гг. в результате резкого оттока населения и неблагоприятных тенденций в области естественного прироста по большинству регионов. В 2002–2010 гг. число горожан Забайкалья и Дальнего Востока уменьшилось, по статистическим данным, уже лишь на 37,6 тыс. чел., а в 2010-е гг. даже выросло – в целом на 17,6 тыс. благодаря приросту числа жителей в 18 городах макрорегиона.

Сравнительно небольшое общее уменьшение численности населения всех городов Забайкалья и Дальнего Востока в изучаемый период не должно вводить в заблуждение относительно последствий постсоветской трансформации системы городского расселения в разрезе отдельных городов в регионах. Так, среди 82 городов ДФО, имевших этот статус к ВПН–2020, только в 11 был зафиксирован общий прирост населения по отношению к концу 1980-х гг. Среди них лишь 5 из 11 региональных центров (Благовещенск, Улан-Удэ, Хабаровск, Южно-Сахалинск, Якутск), а также города Уссурийск, Анива, Артем, Вилюйск, Покровск, Циолковский. В каждом из них источники прироста населения отличались (центростремительная внутрирегиональная и внутрирайонная миграция, промышленные и инфраструктурные проекты, включение в состав городов окружающих их населенных пунктов и проч.).

В остальных городах, сохранивших этот статус к ВПН–2020, фиксировалось общее убытие население, в том числе в 12 из них – от 50 до 70 %. В еще 34 городах общее убытие населения составило от 25 до 49 %. Иными словами, более чем в половине городов ДФО за последние три десятилетия фиксировался отток населения от 25 до 70 %. Увеличилось число городов с населением менее 12 тыс. чел. (с 17 до 27).

Учитывая весьма значительные изменения в численности населения существенного числа забайкальских и дальневосточных городов, можно было ожидать преобразования части из них в пгт или сельские населенные пункты. Фактически же в отсутствие федеральных директив, программных установок на приведение системы городского расселения в соответствие с реальными показателями численности населения, его функциональной занятости региональные и городские власти в 9 из 11

рассматриваемых субъектов ДФО отказались от практики реорганизации городов в пгт или сельские населенные пункты. Так, общее число городов макрорегиона с ВПН–1989 по ВПН–2020 не изменилось и составило 82. За три межпереписных периода 6 пгт (Большой Камень, Дальнегорск, Билибино, Нюрба, Покровск, Углегорск) в 4 регионах (Приморский край, Чукотский автономный округ, Республика Саха (Якутия), Амурская область) стали городами, а еще 6 городов (Лесогорск, Горнозаводск, Красногорск, Чехов, Шахтерск, Ключи) в двух других регионах (Сахалинская область, Камчатский край), как было отмечено выше, утратили этот статус. При этом, например, на момент ВПН–2002 на территории Забайкалья и Дальнего Востока статус города имели 86 населенных пунктов. Лишь один из утративших статус города населенных пунктов был преобразован в пгт (Шахтерск), остальные – стали сельскими населенными пунктами (селами и поселками).

Изменения в составе и численности населения городов Забайкалья и Дальнего Востока за последние три межпереписных периода преобразили и их категориальную структуру. Фактически неизменной осталась только группа крупнейших городов с населением более 500 тыс. чел. (Владивосток, Хабаровск). Число крупных городов (250–500 тыс. чел.) сократилось с 4 до 3, больших – выросло с 6 до 7 (в силу разнонаправленных процессов), средних – уменьшилось с 11 до 5, усилив разрыв между большими и малыми городами. Наконец, число малых городов увеличилось с 59 до 65. По итогам трех межпереписных периодов только в 5 из 65 малых городов Забайкалья и Дальнего Востока был зафиксирован общий прирост населения (Анива, Артем, Виллюйск, Покровск, Циолковский), что свидетельствовало об ограниченных перспективах развития подавляющего большинства из них, наличии глубоких диспропорций в развитии малых городов и, например, соответствующих региональных центров.

К ВПН–2020 46,5 % горожан макрорегиона проживали в крупнейших (Хабаровск и Владивосток) и крупных городах (Улан-Удэ, Якутск, Чита). Четверть горожан пришлась на большие города, чуть более 1/5 – на малые и лишь 6,5 % – на средние. Несмотря на общее снижение численности населения городов Забайкалья и Дальнего Востока в изучаемый период, их доля в общем населении

макрорегиона увеличилась с 53 до 63 %, что было связано не только с сокращением числа жителей сельских населенных пунктов, но и с уменьшением населения пгт, значительная часть которых была преобразована в сельские населенные пункты или вовсе ликвидирована.

В параграфе 2.3 «Поселки городского типа в изменяющейся структуре расселения» мы продолжаем анализ постсоветской трансформации городского расселения в регионах Забайкалья и Дальнего Востока, но уже в разрезе пгт. Значимые по масштабам административно-территориальные преобразования населенных пунктов этого типа, миграционная и естественная убыль их населения в 1990–2010-е гг. заметно повлияли на общее статистическое сокращение городского населения макрорегиона (1,3 из 1,7 млн. чел.).

Начнем с того, что процесс образования новых пгт на этих территориях фактически завершился к концу 1991 г. и уже не возобновился после распада СССР: с 1992 по 2021 г. ни один сельский населенный пункт в изучаемых нами территориальных рамках не приобрел статуса пгт. Напротив, получили развитие обратные процессы, связанные с административным преобразованием пгт в сельские населенные пункты – поселки и села. Причины и обоснования, по которым осуществлялись эти преобразования, были различными. Исследование показало, что их инициаторы указывали обычно на утрату промышленного значения населенного пункта, перспектив его промышленного роста, резкое сокращение численности населения, несоответствие социально-бытовой, инженерной инфраструктуры статусу городского поселения и т. д. Весомой причиной становилось желание местных сообществ, муниципальной власти получить дополнительные ресурсы в рамках программ поддержки сельского населения, в том числе сельских специалистов (учителей, врачей и т. д.), сельского хозяйства, фермерства и пр. Эти решения находили поддержку населения пгт (но не везде и далеко не всегда всеобщую) и по самым утилитарным причинам: в результате преобразований могли уменьшаться тарифы на отдельные коммунальные услуги (электричество, газ), стоимость автострахования и проч. От статуса пгт отказывались не только мелкие пгт без каких-либо перспектив

экономического развития, но и крупные, в частности районные центры без выраженной промышленной базы. Причем эти процессы в отдельных регионах начались уже в последние годы Перестройки.

На фоне усугубляющегося кризиса региональных и локальных экономик в 1990-е гг. часть пгт была полностью упразднена: поселки ликвидировались, расселялись. Этот процесс приобрел выраженный характер в районах Крайнего Севера, дальневосточной Арктике (главным образом в Чукотском автономном округе, Магаданской области, на севере Республики Саха (Якутия)). Учитывая суровые климатические условия, нерентабельность сохранения части местных производств, отсутствие перспектив промышленного развития у расположившихся здесь пгт, региональные власти уже с середины 1990-х гг. занялись их вынужденной ликвидацией. В Забайкалье и на юге Дальнего Востока, напротив, процессы ликвидации пгт не получили сколько-нибудь широкое распространение и были связаны либо с исполнением пгт своей основной функции (например, завершение строительства железнодорожной инфраструктуры – поселки Гоуджекит и Тоннельный на бурятском участке БАМ), либо с чрезвычайными обстоятельствами (например, пос. Октябрьский в Забайкальском крае в связи с выходом на поверхность добываемого здесь урана).

В целом с ВПН–1989 по ВПН–2020 общее число населенных пунктов Забайкалья и Дальнего Востока со статусом пгт уменьшилось с 372 (с учетом закрытых поселков) до 191, т. е. почти вдвое. При этом уже к ВПН–2002 общее число пгт снизилось до 307, а к ВПН–2010 – до 216. Фактически большая часть преобразований произошла к середине 2000-х гг., что было связано в том числе с муниципальной реформой тех лет.

Среди 191 пгт, сохранивших этот свой статус, общий прирост населения за последние три межпереписных периода показали только 9 поселков, причем 5 из них – в Забайкальском крае (Агинское, Могойтуй в Агинском Бурятском округе края, а также поселки Забайкальск, Ясногорск и Атамановка), 3 – в Республике Саха (Якутия) (пристоличные Жатай и Нижний Бестях, а также поселок алмазодобытчиков Айхал). А еще один – в Сахалинской области. Им стал пгт Южно-Курильск – крупнейший населенный пункт на Курильских островах (население поселка стабильно

превышало число жителей двух городов на островах – Курильска и Северо-Курильска). В остальных 182 пгт было зафиксировано общее убытие населения, напрямую связанное с кризисом экономической базы этих поселений, проблемами инфраструктуры и пр.

Если говорить об общем населении пгт с учетом административных преобразований, то с конца 1980-х гг. по начало 2020 гг. оно уменьшилось с 2,1 млн до 813 тыс. чел., т. е. более чем в два раза (61 %). При этом общее население пгт, сохранивших свой статус к ВПН–2020, по отношению к ВПН–1989 также существенно уменьшилось: с 1351 до 790 тыс. чел., т. е. на 41,5 % (без учета 4 поселков, не учтенных ВПН–1989, и пгт Шахтерск, который до 2017 г. имел статус города). Необходимо отметить, что десятки прежних пгт макрорегиона продолжали функционировать до конца изучаемого периода, но уже в статусе сельских населенных пунктов или в качестве микрорайонов отдельных городов, в состав которых вошли.

Если на момент ВПН–1989 в Забайкалье и на Дальнем Востоке население целых 35 пгт превышало 12 тыс. чел. (что в определенной мере позволяло им претендовать на статус города), то к началу 2020-х гг. осталось 10 таких поселков. При этом лишь 3 пгт из этой категории были преобразованы в города (Большой Камень, Дальнегорск и Билибино), в то время как еще три (Нюрба, Покровск и Углегорск) имели на момент преобразования меньшее население. Существенно сократилось число пгт с населением 1–3, 3–6, 6–9 тыс. чел., при этом количество пгт с населением до 1 тыс. чел. чуть увеличилось (с 27 до 33). Характерно, что ВПН–2020 зафиксировала целых 6 пгт региона с населением менее 40 чел. Пять из них – в Магаданской области, один – в Республике Саха (Якутия).

Постсоветская история пгт Забайкалья и Дальнего Востока фактически указала на их высокую уязвимость по отношению к общегосударственному кризису, ослаблению государственной поддержки. В отличие от городов макрорегиона пгт заметно чаще утрачивали статус городских населенных пунктов, подвергались ликвидации или попросту оказывались заброшенными, лишившись перспективы развития. В наилучшей позиции оказались те из них, что к концу 1980-х гг. имели тесные связи со средними и более крупными городами, располагались в пределах городских

агломераций или выполняли функции районных центров, в том числе имея районообразующее значение. В условиях рационализации и оптимизации систем расселения 1990–2010-х гг. остальные пгт, как правило, оказывались в куда менее выгодных условиях, располагали меньшим числом ресурсов и проч.

Глава 3 «Пригородное расселение и усложнение урбанизационного процесса в Забайкалье и на Дальнем Востоке» включает в себя два параграфа.

В параграфе 3.1 «Трансформация расселения в границах административно выделенных городских агломераций» мы акцентируем внимание на процессах концентрации населения регионов в городских агломерациях (ГА), при уточнении состава и границ которых в изучаемый период возобладал административный, а не, например, академический подход (критерии, предъявляемые к ГА). При этом предпринятые нами расчеты показали, что лишь 3 из 14 рассмотренных нами городских агломераций по итогам трех последних переписей населения продемонстрировали общий прирост населения. Причем ими стали не самые крупные и инфраструктурно развитые ГА региона – Владивостокская и Хабаровская, а агломерации, формирующиеся вокруг городов, население которых 30 лет назад не превышало 180–360 тыс. чел. (Благовещенская, Улан-Удэнская и Якутская). В позднесоветские же десятилетия более распространенным был ускоренный прирост населения в крупнейших городах, остававшихся более привлекательными для размещения новых производств, внутренних мигрантов, нежели меньшие по размеру города.

Произведенные расчеты позволили нам говорить как минимум о четырех типах демографического развития городских агломераций ДФО РФ по итогам 1990–2010-х гг. Первый – агломерации, в которых демографически вырос как центральный город / городской округ, так и его пригородная зона в целом (Улан-Удэнская, Якутская и Благовещенская). Второй – агломерации, где центральный город / городской округ демографически вырос, а в пригородной зоне было зафиксировано общее убытие населения (Хабаровская и Южно-Сахалинская). Третий – агломерации, в которых население центрального города / городского округ убыло, а его пригородная зона – выросла. Единственным примером такой агломерации в ДФО

стала Читинская. Наконец, четвертый тип – агломерации, в которых население убыло как в центральном городе / городском округе, так и в его пригородной зоне. К этому типу можно отнести оставшиеся восемь из рассматриваемых в диссертации ГА: Авачинскую, Анадырскую, Биробиджанскую, Владивостокскую, Комсомольскую, Магаданскую, Находкинскую и Свободненскую.

Доля 12 из 14 ГА ДФО в общем населении соответствующих регионов в 1989–2020 гг. выросла. В наибольшей степени это проявилось в отношении столичных агломераций, в то время как удельный вес «промышленных» ГА либо незначительно вырос (Комсомольская), либо незначительно уменьшился (Находкинская, Свободненская). При этом если в 1989 г. только в 3 из 14 ГА проживало более 50 % населения соответствующего региона (Магаданская, Петропавловск-Елизовская, Южно-Сахалинская), то к 2020 г. этот список дополнили также Биробиджанская, Улан-Удэнская и Хабаровская ГА.

Безотносительно к этому к концу изучаемого периода стала все более очевидной тенденция к концентрации населения, инфраструктуры, инвестиций в границах городских агломераций, что явилось отражением как общероссийских, так и глобальных тенденций. В условиях ограниченности государственных и частных ресурсов, направлявшихся на развитие населенных пунктов ДФО РФ в 2000–2010-е гг., акцент на агломерациях представляется вполне оправданным, пусть и не всегда социально справедливым. В этом смысле и вся региональная политика по конструированию городских агломераций представляется вполне очевидным и необходимым ответом на потребности этих территорий в инфраструктурном и ином развитии. Одновременно следует отметить, что часть малых ГА макрорегиона (например, Нерюнгринская, Ургальская, Советскогаванская), имевших потенциал для развития в конце 1980-х гг., фактически не реализовали его в изучаемый период.

В большинстве ГА ДФО произошло сокращение числа городских населенных пунктов. Это было связано, как показывают наши исследования, главным образом с преобразованием пгт в сельские населенные пункты, ликвидацией пгт в результате включения их территории в состав ближайших городов, а также в связи с утратой

пгт своего статуса в ходе их включения в состав городских округов. Обозначенные изменения произошли в регионах ДФО в основном уже к началу 2005 г., поставив под вопрос один из классических отечественных академических критериев к определению ГА – число входящих в ее состав городских населенных пунктов.

В параграфе 3.2. «Ближние пригороды региональных центров в системах городского расселения» охарактеризованы результаты трансформации пригородного расселения в разрезе 11 региональных центров Забайкалья и Дальнего Востока. Это позволило нам внести необходимые уточнения в оценку общей динамики расселения в границах соответствующих городских агломераций в изучаемый период. В ходе исследования мы выяснили, что к концу 1980-х гг. на границах региональных центров Забайкалья и Дальнего Востока были сформированы десятки населенных пунктов с различным административно-территориальным статусом (в основном села, реже – пгт и города) и функциями (главным образом сельскохозяйственные, но также промышленные, военные, транспортные, рекреационные и проч.). В соответствии с ними в советский период они могли существовать относительно автономно (с локальным рынком труда) по отношению к региональному центру или в разной мере были подчинены задачам развития города-ядра. При этом к концу 1980-х гг. общее число населенных пунктов вблизи того или иного регионального центра Забайкалья и Дальнего Востока также существенно отличалось, что отражало разницу не только в численности жителей самих городов-центров, но и в тесноте производственных, социально-бытовых и иных связей, сложившихся к этому времени внутри локальных систем расселения, указывало на уровень зрелости агломерационных процессов.

Реформы 1990-х гг. отразились на жизнедеятельности пригородных поселений в основном также остро, как и на соответствующих городах-ядрах, затронув их «градообразующие» предприятия и организации (сельскохозяйственные, ресурсодобывающие, транспортные, военные и проч.), связанные с ними вспомогательные учреждения, в том числе социального профиля. Вследствие кризиса пригородных экономик местное

население зачастую переориентировалось на городской рынок труда, не переезжая в сам город. Этому способствовали массовая автомобилизация, особенно в 2000–2010-е гг., развитие пригородного общественного транспорта и пр. Одновременно с 1990-х гг. ближайшие пригородные территории региональных центров стали местом притяжения для самих горожан. Дешевизна пригородной земли / жилой недвижимости по сравнению с городской, развитие институтов кредита / ипотеки становились определяющими факторами и для переезда в пригороды столичных городов внутрирегиональных мигрантов, которые в логике центростремительных потоков скапливались в части региональных центров. То же касается межрегиональных и иностранных мигрантов.

Рост численности населения в пригородных зонах отдельных региональных центров был следствием как продолжающейся урбанизации (стягивание населения в города), так и набирающей обороты субурбанизации (переезд горожан из центральных городских микрорайонов в пригородные). К сожалению, имеющаяся в распоряжении специалистов официальная статистика не позволяет отделить один процесс от другого, что требует от нас дополнительных полевых исследований. Вместе с тем, опираясь на геоинформационные технологии, материалы официальной статистики и экспертные интервью, собранные в ходе полевых исследований, мы имели возможность сформировать списки ближайших пригородов 11 региональных столиц ДФО, охарактеризовать общие итоги движения населения в них в 1990–2010-е гг. Одновременно благодаря документам региональных архивов и интернет-порталов нормативно-правовой информации были уточнены все интересующие нас административно-территориальные преобразования, которые происходили в границах изучаемых пригородных зон (включение населенных пунктов в состав городов-ядер, преобразование пгт в сельские населенные пункты и проч.).

В ходе исследования мы зафиксировали общий прирост населения в ближайших пригородах 6 из 11 региональных центров Забайкалья и Дальнего Востока (с ВПН–1989 по ВПН–2020). Среди этих 6 городов оказались 4 из 5 городов-центров, в которых

ВПН–2020 отметила общий прирост населения с конца 1980-х гг. (Якутск, Улан-Удэ, Благовещенск, Хабаровск), а также Владивосток и Чита. Наиболее значительным в абсолютных и относительных показателях прирост населения оказался в ближайших пригородах Улан-Удэ (+65 тыс. чел., +362,6 %, т. е. в 4,6 раза): в 2000–2010-е гг. внутренний пояс пригородной зоны города, составленный из 22 сельских населенных пунктов, был массово и динамично застроен малоэтажным частным сектором, в том числе в форме дачных некоммерческих товариществ, главным образом за счет внутрирегиональной центростремительной миграции, либерализации отношений в области распределения и застройки пригородных земель, относительно дешевизны пригородной земли и частного деревянного строительства.

Вдвое выросло население ближайших пригородов демографически растущего в этот период Благовещенска (+19,6 тыс. чел., +105 %), территориально «зажатого» в месте слияния Амура и Зеи. Несмотря на отрицательные показатели движения населения в Чите, число жителей ее ближайших пригородов выросло более чем наполовину (+13,6 тыс. чел., +51,1 %), главным образом за счет вплетенного в ткань города с. Засопка и активной застройки с. Смоленка Читинского района, на территории которого выдавались «Дальневосточные гектары». При практически двукратном увеличении численности населения Якутска в 1990–2010-е гг. число жителей его ближайших пригородов ожидаемо возросло, но более умеренно (+10,5 тыс. чел., +36,7 %) и в основном за счет расположенных на северных и южных границах города населенных пунктов. В то же время расселение горожан на правом берегу Лены все еще сдерживается в отсутствие надежного круглогодичного сообщения (моста) между двумя берегами.

Крупнейшие города Дальнего Востока – Хабаровск и Владивосток также выступили в роли мощнейших генераторов пригородной застройки. Между тем, население ближайших пригородов Хабаровска в целом увеличилось лишь на 9,2 тыс. чел. (12,3 %), а Владивостока – на 11,8 тыс. чел. (6,8 %). В отличие от Улан-Удэ, Читы, Якутска, Благовещенска в пригородных зонах Владивостока и Хабаровска не оказалось выраженных лидеров по приросту населения в абсолютных и относительных показателях.

При этом показательно, что, например, пристоличные Хабаровский (у Хабаровска) и Надеждинский (у Владивостока) районы за 1989–2020 гг. показали общее убытие населения, в то время как ближайшие пригороды обоих городов, расположенные на территории этих районов, демонстрировали обратное – общий прирост числа жителей.

Ближайшие пригороды Магадана и Анадыря заметно выделялись из общей тенденции. Численность населения первых сократилась на 10,8 тыс. чел. (49 %), вторых – на 11,8 тыс. чел. (73,5 %). У Анадыря в 2000-е гг. был полностью заброшен пгт Шахтерский, что (без учета военных городков) стало единственным подобным случаем в пригородных зонах региональных центров на Дальнем Востоке и в Забайкалье. При этом отдельные населенные пункты на этих территориях формально ликвидировались, становясь частью городов или городских округов (сохраняя при этом население и пр.).

В целом же ближайшие пригороды региональных столиц демонстрировали, как правило, заметно более положительную популяционную динамику, нежели пристоличные районы, оставаясь, наряду с региональными центрами, основными точками притяжения местного населения. Исследование подтвердило необходимость учета ближайших пригородов (часто имеющих статус сельских поселений) при анализе процессов городского расселения в регионах, его масштабов и направлений.

В заключении подводятся основные итоги исследования, уточняются перспективы дальнейшего освоения обозначенной в диссертации проблематики.

Сохранение социально-демографического и экономического потенциала сети городского расселения в регионах Забайкалья и Дальнего Востока стало одним из фундаментальных исторических вызовов в развитии постсоветской России. Его осознание и утверждение в качестве политической и управленческой задачи в условиях постепенного разворота российской экономики на восток произошло не сразу. В результате к концу 2010-х гг. макрорегион подошел со значительной убылью городского населения, а сформированная к концу 1980-х гг. сеть городских населенных пунктов пережила существенную функциональную и структурную трансформацию. Одни города, пгт, городские агломерации

сохранили внутренние ресурсы для развития, а другие, войдя к середине 1990-х гг. в ситуацию системного кризиса, так и не нашли возможностей для его уверенного преодоления. Иллюзия относительно того, что рыночная экономика без пристального государственного участия способна сделать системы расселения полностью эффективными, весьма дорого обошлась Забайкалью и Дальнему Востоку.

На фоне деиндустриализации, катастрофического падения уровня жизни населения в 1990-е гг., кризиса в жизнеобеспечении населенных пунктов, более явно обозначились проблемы всего макрорегиона, получившие широкое обсуждение еще в период Перестройки. Более ощутимым стало его отставание по многим показателям не только от европейской части страны, но и от окружающих стран Азиатско-Тихоокеанского региона.

Системы городского и пригородного расселения, несмотря на их общую инерционность, отреагировали на кризис локальных экономик весьма стремительно. Однако сама по себе инерционность в качестве базовой характеристики систем расселения позволила сохранить на местах сотни тысяч жителей Забайкалья и Дальнего Востока, причем даже в самые сложные для них годы.

Деструктивные последствия государственной политики 1990-х гг., на наш взгляд, не были до конца преодолены и в 2000–2010-е гг., даже на фоне стабилизации общественно-политической ситуации в стране, увеличивающейся прямой финансовой поддержки населения и бюджетов местного и регионального уровня со стороны государства.

В широком смысле в Забайкалье и на Дальнем Востоке урбанизационный кризис стал следствием перехода от советской (социалистической) модели модернизации, опиравшейся на административно-плановые способы хозяйствования, определяющую роль государства в регулировании и поддержке региональных экономик, к постсоветской, в рамках которой получили развитие неолиберальные тенденции (в частности, ослабление государственного регулирования процессов городского / пригородного развития, передача части функций на региональный, местный уровень, частным субъектам, общая демократизация систем управления, законодательства и проч.).

История урбанизации Забайкалья и Дальнего Востока, несмотря на сравнительную «молодость» значительного числа местных городов и пгт, содержит в себе весьма богатый опыт взлетов и падений региональных и локальных систем городского расселения. Исторически они оказывались высоко чувствительны к позиции государства. Сами города, а впоследствии и пгт в своем развитии традиционно опирались не только на внутреннюю логику и собственные ресурсы, но и на государственную поддержку. Изучаемый период не стал в этом смысле каким-либо исключением, достаточно убедительно указав на высокое значение этого фактора в вопросах городского и пригородного развития забайкальских и дальневосточных территорий. Так, постепенный акцентированный «поворот России на восток», активно обсуждаемый и реализуемый в политической и социально-экономической сферах, на наш взгляд, уже к концу 2010-х гг. оказал положительное влияние на преодоление последствий урбанизационного кризиса в изучаемых регионах. Государственное регулирование регионального и в том числе городского расселения, по нашему мнению, объективно необходимо, учитывая проявившиеся в последние десятилетия негативные эффекты стихийной урбанизации, кризис в развитии значительной части городских населенных пунктов в Забайкалье и на Дальнем Востоке. В основе этого регулирующего воздействия должны лежать научно обоснованная концепция городского расселения и решения, опирающиеся на широкий спектр исследований как отдельных городских систем в регионах, так и всей сети расселения в целом. Актуальность этой работы возрастает в связи с растущей концентрацией жителей ДФО РФ в крупных городах, непрекращающейся миграцией его населения в европейскую часть страны.

В диссертации мы обратили внимание на базовые, наиболее общие вопросы трансформации городского и пригородного расселения в регионах Забайкалья и Дальнего Востока России в 1990–2010-е гг., в то время как значительная часть проблем, связанных с современной историей городских населенных пунктов, в том числе экономической, все еще ожидает своего исследования, равно как нуждаются в комплексном, сравнительно-историческом анализе множественные характеристики населения городов, пгт, городских агломераций этого обширного и ценного региона.

III. РАБОТЫ, ОПУБЛИКОВАННЫЕ АВТОРОМ ПО ТЕМЕ ИССЛЕДОВАНИЯ:

Статьи в отечественных рецензируемых научных изданиях по перечню ВАК (по специальности), в том числе в изданиях, входящих в международные реферативные базы данных и системы цитирования:

1. Бреславский А. С. Исторический контекст формирования постсоветского Улан-Удэ / А. С. Бреславский // Известия Алтайского государственного университета. Сер. История, политология. – 2010. – Т. 2, № 4. – С. 13–17.

2. Бреславский А. С. Сельские мигранты в пространстве постсоветского Улан-Удэ / А. С. Бреславский // Известия Алтайского государственного университета. Сер. История, политология. – 2011. – Т. 1, № 4. – С. 22–25.

3. Бреславский А. С. Городская история как предмет дискурс-анализа: ресурсы и программа исследования / А. С. Бреславский // Уральский исторический вестник. – 2011. – № 1. – С. 102–105.

4. Бреславский А. С. История формирования пригородов в Сибири (на примере Улан-Удэ) / А. С. Бреславский // Преподавание истории в школе. – 2014. – № 2. – С. 21–25.

5. Бреславский А. С. Пригороды крупных городов в региональной социальной политике / А. С. Бреславский // Ойкумена. – 2018. – № 4. – С. 26–33.

6. Бреславский А. С. Динамика урбанизационных процессов в Забайкальском крае (1989–2019 гг.) / А. С. Бреславский // Гуманитарный вектор. – 2020. – № 6. – С. 44–53.

7. Бреславский А. С. Итоги советской урбанизации Читинской области: структура, численность и функциональное значение городских поселений / А. С. Бреславский // Исторический журнал: научные исследования. – 2020. – № 5. – С. 157–167.

8. Бреславский А. С. Урбанизация российского Дальнего Востока: Амурская область в 1989–2019 гг. / А. С. Бреславский // Oriental Studies. – 2021. – Т. 14, № 1. – С. 87–102. (Scopus)

9. Бреславский А. С. «Нерентабельная» урбанизация: трансформация сети городских поселений Чукотки в конце 1980-х –

2010-х гг. / А. С. Бреславский // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. – 2022. – № 4. – С. 53–60.

10. Бреславский А. С. Городское население Еврейской автономной области в исторической динамике конца 1980-х – 2010-х гг. / А. С. Бреславский // Крестьяноведение. – 2022. – Т. 7, № 3. – С. 151–173. (Scopus)

11. Бреславский А. С. Кризис урбанизации в Магаданской области (конец 1980-х – 2010-е гг.): динамика структурных и демографических показателей / А. С. Бреславский // Oriental Studies. – 2022. – Т. 15, № 6. – С. 1227–1243. (Scopus)

12. Бреславский А. С. Трансформация структуры занятости населения в регионах Дальнего Востока в 1990-е – 2010-е гг. / А. С. Бреславский // Проблемы социально-экономического развития Сибири. – 2022. – № 4. – С. 118–125.

13. Бреславский А. С. Трансформация городского расселения в Камчатском крае в 1990-е – 2010-е гг. / А. С. Бреславский // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. – 2023. – № 2. – С. 56–62.

14. Бреславский А. С. Урбанизационный кризис и трансформация городского расселения в Хабаровском крае (1990–2010-е гг.) / А. С. Бреславский // Гуманитарный вектор. – 2023. – Т. 18, № 1. – С. 97–106.

15. Бреславский А. С. Городское расселение в Сахалинской области: результаты постсоветской трансформации / А. С. Бреславский // Известия Иркутского государственного университета. Сер. История. – 2023. – Т. 44. – С. 53–60.

16. Бреславский А. С. Городское население Приморского края: динамика структурных и демографических показателей (1989–2020 гг.) / А. С. Бреславский // Уральский исторический вестник. – 2023. – № 2. – С. 58–67. (Web of Science, Scopus)

17. Бреславский А. С. Динамика и типы демографического развития «городских агломераций» ДФО РФ в 1990–2010-е гг. / А. С. Бреславский // Ойкумена. – 2023. – № 4. – С. 23–35. (Scopus)

18. Бреславский А. С. Пригороды Улан-Удэ: практики гражданства и реализация права на город / А. С. Бреславский // Крестьяноведение. – 2024. – № 2. – С. 75–95. (Scopus)

Статьи в зарубежных научных изданиях, входящих в международные реферативные базы данных и системы цитирования:

19. Breslavsky A. S. The Suburbs of Ulan-Ude and the Ger Settlements of Ulaanbaatar. A Comparison of Post-socialist Cities / A. S. Breslavsky // Inner Asia. – 2016. – Vol. 18, Issue 2. – P. 196–222. (Web of Science, Scopus)

Монографии и разделы монографий:

20. Бреславский А. С. Незапланированные пригороды: сельско-городская миграция и рост Улан-Удэ в постсоветский период / А. С. Бреславский; науч. ред. М. Н. Балдано. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2014. – 192 с.

21. Бреславский А. С. После урбанизации... снова урбанизация? Пригородный рост российских городов // Поиск постурбанистических моделей жизнеустройства / А. С. Бреславский [и др.]; отв. ред. А. В. Ермишина, Л. В. Клименко. – Ростов-на-Дону: Фонд науки и образования, 2016. – С. 112–133.

22. Бреславский А. С. Субурбанизация и будущее российских городов. Введение в проблематику / А. С. Бреславский. – М.: Центр гуманитарных инициатив, 2024. – 170 с.

Работы, опубликованные в других научных изданиях:

23. Бреславский А. С. Сельско-городская миграция и качество жизни в пригородах Улан-Удэ / А. С. Бреславский // Проблемы формирования и регулирования качества жизни городского населения в сибирских регионах: мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. – Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2012. – С. 96–102.

24. Бреславский А. С. Внутренняя миграция и формирование пригородных сообществ Улан-Удэ / А. С. Бреславский // Известия Восточного института. – 2012. – № 2. – С. 87–95.

25. Бреславский А. С. Сельско-городская миграция и социально-экономическая трансформация пригородов Улан-Удэ в постсоветский период / А. С. Бреславский // Вестник Бурятского государственного университета. Сер. Гуманитарные исследования Внутренней Азии. – 2013. – № 1. – С. 138–145.

26. Бреславский А. С. Пригороды Улан-Удэ: генезис и развитие в XVIII–XX вв. / А. С. Бреславский // Иркутский историко-экономический ежегодник – 2014. – Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2014. – С. 330–339.

27. Бреславский А. С. Численность и размещение населения в пригородах Улан-Удэ (1989–2010 гг.) / А. С. Бреславский // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. – 2014. – № 2(14). – С. 96–101.

28. Бреславский А. С. Улан-Удэ и процессы субурбанизации в постсоветской Бурятии / А. С. Бреславский // Историческая урбанистика: прошлое и настоящее города: сб. науч. ст. – Курган: Курганский дом печати, 2015. – С. 482–491.

29. Бреславский А. С. Что мы знаем о современных российских пригородах? / А. С. Бреславский // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. Социология. – 2015. – Т. 15, № 4. – С. 137–148.

30. Бреславский А. С. Пригороды Улан-Удэ: к чему мы пришли? / А. С. Бреславский // Улан-Удэ – 350 лет: история, пространство, общество: сб. науч. ст. / отв. ред. Б. В. Базаров. – Иркутск: Оттиск, 2016. – С. 260–264.

31. Бреславский А. С. Какой может быть российская субурбанизация? / А. С. Бреславский // Мир России. – 2016. – № 1. – С. 79–102. (Scopus)

32. Бреславский А. С. Как меняются российские пригороды? Случай Улан-Удэ / А. С. Бреславский // Пути России. Север – Юг: сб. науч. ст. / под общ. ред. М. Г. Пугачевой и В. П. Жаркова. – М.; СПб.: Нестор–История, 2017. – С. 83–92.

33. Бреславский А. С. Улан-Батор и «пригородная революция» / А. С. Бреславский // Азия и Африка сегодня. – 2017. – № 1. – С. 53–56.

34. Бреславский А. С. Введение. Пригороды и пригородные исследования в современной России / А. С. Бреславский // Что мы знаем о современных российских пригородах?: сб. науч. ст. / отв. ред. А. С. Бреславский. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2017. – С. 3–24.

35. Бреславский А. С. Улан-Удэ: масштабы, источники, сегменты и последствия пригородного роста / А. С. Бреславский //

Что мы знаем о современных российских пригородах?: сб. науч. ст. / отв. ред. А. С. Бреславский. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2017. – С. 148–159.

36. Breslavsky A. S. Suburban areas in the post-socialist countries: driving forces and consequences of growth (cases of Ulan-Ude and Ulanbaatar) / A. S. Breslavsky // Process of the sustainable development in the neighbouring countries: culture, society and education: 13th international conference / ed. by Ariunaa, Khatanbold, Davaadulam. – Ulaanbaatar: Soembo Printing, 2017. – P. 92–98.

37. Бреславский А. С. Время изучать пригороды / А. С. Бреславский // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. Социология. – 2017. – № 4. – С. 636–644.

38. Бреславский А. С. «Пригородная революция» в региональном срезе (Улан-Удэ) / А. С. Бреславский // Крестьяноведение. – 2017. – Т. 2, № 1. – С. 90–101.

39. Бреславский А. С. Поправка на мобильность: как трудовая и дачная миграция влияет на расселение россиян? / А. С. Бреславский // Социологическое обозрение. – 2017. – Т. 16, № 1. – С. 278–295. (Scopus)

40. Бреславский А. С. В каком мире мы живем? В мире пригородов! / А. С. Бреславский // Социологическое обозрение. – 2018. – № 2. – С. 342–355. (Scopus)

41. Бреславский А. С. Пригороды крупных городов России: источники, масштабы и направления демографического и территориального роста / А. С. Бреславский // Актуальные проблемы гуманитарных и социальных исследований: мат-лы XVI Всерос. науч. конф. молодых ученых в области гуманитарных и социальных наук / ред. кол.: В. В. Петров, А. Н. Артемова, О. А. Персидская, А. А. Санжениаков. – Новосибирск: ИПЦ НГУ, 2018. – С. 3–6.

42. Бреславский А. С. Республики на востоке России в панораме регионального неравенства / А. С. Бреславский // Республики на востоке России: траектории экономического, демографического и территориального развития: сб. науч. ст. / отв. ред. А. С. Бреславский. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2018. – С. 5–12.

43. Бреславский А. С. Мечта или кошмар? Мотивы и практики оседания семей сельских мигрантов в пригородах Улан-Удэ /

А. С. Бреславский // «Жизнь на чемоданах»: мобильность семьи и социальное благополучие / отв. ред. И. Г. Кузина, А. В. Винокурова. – Владивосток: Изд-во Дальневост. федерал. ун-та, 2018. – С. 147–158.

44. Бреславский А. С. Демографические параметры урбанизации в республиках на востоке России / А. С. Бреславский, В. Н. Буртонова // Региональная Россия: история и современность: мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. – Комсомольск-на-Амуре: Амурский гуманитарно-педагогический гос. ун-т, 2019. – С. 32–37.

45. Бреславский А. С. Урбанизация в республиках Южной Сибири: динамика ключевых параметров (1989–2019) / А. С. Бреславский // Урбанистика. – 2019. – № 1. – С. 58–67.

46. Breslavsky A.S. Suburban development in the post-socialist countries (case of Ulan-Ude and Ulaanbaatar) / A. S. Breslavsky // Study on pressing issues faced by neighboring countries in the contemporary world: the 14th China – Mongolia – Russia international seminar. – Qingdao, 2019. – P. 126–138.

47. Бреславский А. С. «Постсоциалистическая пригородная революция» и пригородные исследования в современной России / А. С. Бреславский // «Пригородная революция» в региональном срезе: периферийные городские территории на постсоветском пространстве: сб. тез. междунар. науч. конф. / отв. ред. А. С. Бреславский. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2019. – С. 8–13.

48. Бреславский А. С. Кто и как изучает пригороды крупных городов в современной России? / А. С. Бреславский // Городские исследования и практики. – 2020. – Т. 5, № 4. – С. 17–35.

49. Бреславский А. С. Процессы урбанизации в Республике Саха (Якутия): динамика ключевых параметров (1989–2018) / А. С. Бреславский // Урбанистика. – 2020. – № 1. – С. 68–81.

50. Бреславский А. С. Модели периферийного городского роста в странах АТР / А. С. Бреславский // Проблемы моделирования социальных процессов: Россия и страны АТР: мат-лы VII Всерос. науч.-практич. конф. с междунар. уч. / отв. ред.: А. В. Винокурова, Е. Ю. Костина. – Владивосток: Изд-во Дальневост. федерал. ун-та, 2023. – С. 28–33.

51. Бреславский А. С. Городские агломерации на Дальнем Востоке России: «региональные фантазии» или отображение реальных трендов? / А. С. Бреславский // Трансграничье Востока России в модернизационных процессах XX–XXI вв. (к 100-летию Республики Бурятия): сб. науч. ст. / науч. ред. Б. В. Базаров; ред. кол.: М. Н. Балдано [и др.]. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2023. – С. 203–206.

52. Бреславский А. С. Региональные столицы в трансформации городского расселения Дальнего Востока России (1989–2020 гг.) / А. С. Бреславский // Региональные столицы России – точки опоры и роста: мат-лы Всерос. науч. конф. с междунар. уч. / отв. ред. Н. В. Суржикова. – Екатеринбург: Альфа Принт, 2023. – С. 304–306.

53. Бреславский А. С. Города и поселки городского типа Байкало-Амурской магистрали: динамика населения и практики реорганизации в конце 1980-х – 2010-е гг. / А. С. Бреславский // «Огни магистрали»: исторический опыт и стратегии развития регионов Сибири и Дальнего Востока (к 50-летию начала строительства Байкало-Амурской магистрали): сб. науч. тр. по мат-лам Всерос. науч. конф. с междунар. уч. / науч. ред. Н. С. Байкалов. – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, им. Д. Банзарова, 2024. – С. 240–246.